

М.А. Шаткин, М.О. Орлов

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК НАСЛЕДИЕ:
РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ¹**

Аннотация. В настоящее время в России актуализировалась тема цивилизационной идентичности и этнокультурных традиций. Особенностью современного обращения к этой теме являются социокультурные изменения (акцентирование значения личности в выборе традиции) и углубление социальных и гуманитарных знаний о традиции, что требует реконцептуализации этого феномена через призму жизненного мира личности. В частности, стереотипное представление о традиции как наборе привычных моделей мышления и поведения, некритично воспринимаемых одним поколением от другого, не соответствует действительности традиционных обществ, где традиция являлась предметом постоянной рефлексии. Сегодня в государственной политике, например в сфере образования, личность предстает в образе собственника, который владеет различными ресурсами (например, компетенциями) поэтому попытки транслировать традицию через нарратив о принадлежности личности к традиции вступает в противоречие с данным образом. Предлагается рассматривать традицию как наследие, обращенное к личности в контексте отношений собственности. Выделяются четыре формы традиции как наследия: унаследованное – прошлое как неотъемлемая часть настоящего, определяющее среди прочего его специфику; наследство – совокупность объектов и практик, сохранившихся от прошлого в настоящем; завещанное – традиция как коллекция ценностей, взаимно поддерживающих значение друг друга; и последствия-пережитки, которые могут иметь форму либо частных анекдотических элементов прошлого, либо «токсичной ностальгии» в рамках борьбы либеральной традиции против традиционных ценностей. Навыки различения унаследованного, наследства, завещанного и пережитков позволят избежать ловушки интерпретации случайных явлений в качестве необходимых, а частных примеров в качестве выражения сути этнокультурной традиции.

Ключевые слова: традиция; наследие; идентичность; собственность; личность; завещанное.

1. Работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания (проект № FSRР-2024-0005).

Шаткин Максим Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Россия, Саратов.

E-mail: maximshatkin@gmail.com

Researcher ID: AAX-4034-2020

Scopus Author ID: 57210108126

Орлов Михаил Олегович – доктор философских наук, заведующий кафедрой теологии и религиоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Россия, Саратов.

E-mail: orok-saratov@mail.ru

Researcher ID: D-9366-2013

Scopus Author ID: 57210108193

Shatkin M. A., Orlov M. O.

Ethnocultural Tradition as Heritage: The Modern Reconceptualization

***Abstract.** Presently, the topic of civilizational identity and ethno-cultural traditions has gained urgency in Russia. The contemporary approach to this subject is characterized by socio-cultural changes that emphasize the individual's role in the selection of traditions, alongside the expansion of social and humanitarian understanding of tradition. This necessitates the reconceptualization of these phenomena from the perspective of the individual's life world.*

In particular, the stereotypical view of tradition as merely a set of habitual patterns of thinking and behavior uncritically received by each generation does not correspond to the reality of traditional societies, where tradition was continuously reflected upon. In contemporary public policy, especially within education, individuals are portrayed as holders of various resources (e.g., competencies). Therefore, efforts to transmit tradition via the narrative of personal belonging to tradition contradict this image. It is suggested to reconceptualize tradition as heritage directed toward the individual within the context of ownership relations.

Four forms of tradition as heritage are identified: inheritance, where the past is an integral part of the present, contributing to its specificity; bequest, which encompasses the objects and practices preserved from the past into the present; legacy, defined as a collection of values that mutually reinforce each other's meaning; and repercussions, or vestiges, which may manifest as private anecdotal elements of the past or «toxic nostalgia» within the conflict between liberal tradition and traditional values. Developing the ability to distinguish between inheritance, legacy, bequest, and vestiges helps avoid misinterpreting accidental phenomena as necessary and private examples as representations of the essence of ethnocultural tradition.

Keywords: tradition; heritage; legacy; inheritance; identity; property; personality.

Shatkin Maxim Aleksandrovich – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science at the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky. Russia, Saratov.

E-mail: maximshatkin@gmail.com

Researcher ID: AAX-4034-2020

Scopus Author ID: 57210108126

Orlov Mikhail Olegovich – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Theology and Religious Studies at the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky. Russia, Saratov.

E-mail: orok-saratov@mail.ru

Researcher ID: D-9366-2013

Scopus Author ID: 57210108193

Введение

Особенностью современного социокультурного ландшафта в России является актуализация темы цивилизационной идентичности в новых исторических условиях, когда ценности западного мира перестают быть глобальными и всё больше вступают в противоречие с устоями большей части человечества. Как следствие, происходит очередной цикл возрастания интереса к этнокультурным (в том числе духовным) традициям, воплощающим национально-культурную и цивилизационную идентичность [Кузнецов 2021, с. 96; Кутырева 2022]. В отличие от предшествующих периодов интереса к традиции, сегодняшний обладает принципиально новыми чертами. Во-первых, это изменение роли личности, которая в условиях глобального цифрового общества становится субъектом ответственного цивилизационного выбора [Синецкий, 2019], имеющего доступ ко всему богатству традиций мира. Некоторые авторы радикализуют изменение роли личности в утверждении о «системном приоритете индивида над общим порядком» [Саден 2023, с. 20], что ставит вопрос о понимании традиции, выполняющей функцию укрепления этого порядка. Во-вторых, это значительно углубившиеся знания в сфере социальных и гуманитарных наук, которые позволяют сформировать новый взгляд на феномен традиции, преодолевая стереотипы и методологические ограничения, связанные с ее рассмотрением только с точки зрения функционирования общества. В частности, это относится к расширенному пониманию традиции как процессу передачи накопленного социального опыта, т.е. фактически идентификация традиции с культурой в целом и воспроизводством духовной жизни человека как таковой [Сопов 2007, с. 7; Даренская 2023], так что перенос такого расширенного понимания в целом на этнокультурные традиции может вести к абсолютизации последних в качестве метафизической сущности (архетипов и «логосов»), довлеющей над народами и предопределяющей их мышление, поведение и историческую судьбу.

Таким образом, сегодня понятие «традиции» требует своей реконцептуализации, а именно, переосмысления через призму жизненного мира современной личности, чьи связи с социальным порядком менее очевидные, чем у прежних поколений. Это позволит выявить те концептуальные элементы традиции, которые оставались скрытыми при её рассмотрении с перспективы общества в целом, а не отдельной личности. При этом, с учетом того, что наиболее интенсивное и критическое осмысление этнокультурных традиций происходит в период, когда личность принадлежит возрастной группе молодежи, т. е. с 14 до 30 лет, при проведении исследования целесообразно рассматривать образовательный контекст, в котором личность, как правило, пребывает в данный отрезок жизни.

Поставленная задача реконцептуализации традиции как наследия требует решения двух исследовательских вопросов: во-первых, обоснование того, что рассмотрение традиции через призму жизненного опыта личности методологически оправданно, и определение основного содержания, наполняющего связь между личностью и традицией в современном мире; во-вторых, раскрытие различных форм традиции и отношения личности к традиции, раскрывающейся в данных формах.

1. Традиция и жизненный мир личности

Научная и общественная дискуссия, государственная политика в сфере сохранения этнокультурных традиций, как правило, сознательно или спонтанно опирается на теоретическую перспективу, в которой общество воспринимается как целостная система, в которой социальный порядок воспроизводится и легитимируется посредством традиции [Колядко 2021, с. 156]. В данном контексте традиция предстает как широкий и не имеющий четких границ набор традиционных нравственных и семейных ценностей, мировоззренческих установок, культурных символов и т. д., которые должны быть переданы подрастающим поколениям и тем самым обеспечить социальную когнитивную идентичность, осознанную причастность «индивида к определенной социальной группе или сообществу через внутренне принимаемые им нравственные, моральные, правовые, религиозные нормы, обычаи и традиции» [Драпезо 2022, с. 188]. Соответственно, задача определения точного набора и содержания традиций дополняется задачей найти язык, понятный молодежи, чтобы на этом языке транслировать традиционные ценности [Теплова 2019, с. 665]. В сфере народного образования разные формы воспитания (патриотическое, духовно-нравственное) также предполагают массовую трансляцию определенных нарративов в «увлекательной и доступной форме», что должно обеспечить их успешную рецепцию аудиторией.

Теоретической предпосылкой к передаче традиции через массовые коммуникации является основанная на трудах зарубежных авторов XX в. концеп-

ция конститутивного влияния медиа на сознание и саму структуру реальности [Клягин 2018, с. 15–16]. С этой точки зрения индивиды – реципиенты нарративов о традициях являются пассивной *tabula rasa*, на которой неизбежно отпечатываются идеи, ценности, интерпретации исторических событий. Соответственно, этнокультурные традиции, передаваемые всем арсеналом современных медиа, смогут снова играть ту всеобъемлющую и формирующую личность роль, которую они, в соответствии со сложившимся в науке XX в. представлениями, играли в так называемых «традиционных обществах». Однако такой подход, наделяющий традиции и медиа безоговорочной властью над личностью, в настоящее время уже не может быть признан обоснованным по следующим аргументам.

1. Представление о власти традиций опирается на образ тех обществ, которые на протяжении последних столетий получили название «традиционных». На основе работ М. Вебера, У. Бека, Э. Гидденса сложился стереотип о традиции как нереплексивном воспроизводстве привычных моделей мышления и поведения, контрастом к которым выступает характерная для общества Модерна рефлексивность, в том числе по отношению к самой личности как «проекту» [Веряскина 2017, с. 95]. По мере модернизации общества восприятие непосредственного «объективного» социокультурного содержания традиции всё более дополняется рефлексией личности относительно переданных из прошлого форм социального бытия [Иларионов 2015, с. 8–9]. На наш взгляд, подобное видение традиции и традиционного общества уже не соответствует современным знаниям об обществах, относимых к традиционным. Даже с учетом того, что традиции в архаических и средневековых обществах были функциональной заменой формальных институтов либо контекстом их существования, для этих обществ традиция являлась не столько «объективным» «грузом», который надлежало нести, и не «коридором», предопределяющим возможности движения, сколько «компасом». Этот компас не просто указывает ориентир для человеческой деятельности, но также постоянно находится в центре общего внимания как общее благо с точки зрения сохранения его целостности, доступности для всех, понимания его работы всеми членами сообщества, согласования ориентира и возникающих в реальном мире препятствий. Обращение к опыту социальных институтов, в значительной степени зависящих от передачи традиции (например, религиозные организации), показывает, что традиция в ее различных аспектах и интерпретациях – это то, что постоянно обсуждается, объясняется, применяется, толкуется, очищается, трансформируется и т. д. Многообразие религиозных и культурных традиций, средневековые ереси и вольнодумство [Клибанов 1996, с. 38–39], процесс дробления единых традиций на локальные, часто противостоящие друг другу – это реальность обществ до того, как централизованные государства Модерна стали предпринимать усилия по унификации этнокультурных традиций в пределах национальных общностей.

Как указывал Р. Жирар, для первобытных обществ при встрече того, что не вписывалось в традиционные представления, были характерны «долгие обсуждения перед всяким поступком, какого не предусматривает обычай», поскольку отступление от традиции могло привести к «непоправимому» [Жирар 2010, с. 31]. Другими словами, традиционное общество было в большей степени «обществом риска» – даже если это был метафизический риск, – чем современные общества, которые демонстрируют не столько «рефлексивность» в принятии решений, сколько импульсивность, некритичное следование идеологическим шаблонам вопреки собственным долгосрочным интересам, легитимацию решений не рациональными доводами, а политическими шоу. Если говорить о повседневной реальности социальных цифровых медиа, то в них наиболее полное воплощение получили импульсивность и шаблонность реакций, обусловленных внешним «соблазном» [Шаткин 2023, с. 43].

Важно отметить, что ключевым фактором передачи традиции являются не давление общества на индивида, а межличностные связи, благодаря которым у индивида открывается возможность сформировать личное отношение к традиции в жизненном мире интересусубъективных связей [Дробовцева 2007, с. 180]. Таким образом, представление о традиции как о нерелексивно воспринимаемом личностью наборе убеждений и правил поведения не соответствуют действительности. Традицию скорее можно описать как постоянно трансформирующийся социокультурный контекст, в котором личность рефлексирует о своих интересах и потребностях. Причем эта рефлексия поднимается над импульсивными расчетами выгоды, характерными для гиперрационального «рептильного мозга», отвечающего за выживание в высококонкурентной среде, требующей быстрых реакций, но не способного к учету долгосрочных последствий своих решений.

2. Массовая трансляция этнокультурных традиций, как и любая другая идеологическая работа, имеет ограниченное воздействие на население, которое не следует преувеличивать. Как показывает опыт денацификации Западной Германии в конце 1940-х годов, а также стремительный обвал коммунистических режимов в Восточной Европе в конце 1980-х годов, принятие насаждаемых идей часто приобретает форму идеологической мимикрии и расхождения между публичным дискурсом и частными мнениями. Пропаганда идеи или традиции не ведет автоматически к формированию позитивного отношения к ним со стороны получателей. Здесь уместно вспомнить известное высказывание К. Маркса «...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает *ad hominem*...» [Маркс 1955, с. 422]. Без объяснения связи пропагандируемых традиций с интересами и потребностями отдельного человека невозможно гарантировать то, что новые поколения, даже хорошо осведомленные о традициях своего народа, будут с бережностью относиться к ним. При этом даже

абстрактные доводы о пользе и ценности традиции (подобно доводам о «светлом будущем» или «благах всего человечества») могут быть недостаточными для того, чтобы субъект сопоставил ее со своими интересами.

Трансляция идей, ценностей и традиций становится результативной, когда они обращены к жизни личности. Стихийное распространение религиозных представлений связано с обещаниями видимых или невидимых благ для личности; антирелигиозная или гетеродоксная пропаганда опиралась на обещание освободить личность от обременительных обрядов и жертвований. Период признания либеральных ценностей в позднем СССР и ранние 1990-е годы совпал с ожиданиями бытового благополучия, которое советские зрители видели в западной кинопродукции, и закончился, когда разные слои общества стали испытывать нужду в стабильности, чтобы либо не потерять накопленное, либо избежать дальнейшего ухудшения своего социально-экономического положения. Другими словами, успешная передача традиции предполагает наличие нарративов, объясняющих ее значение для личности и формирующих отношение последней к традиции.

3. Связь личности и традиции часто осмысливается с точки зрения формирования персональной идентичности как принадлежности к социальной группе, либо как ускользания от любой фиксации своего социального места [Сергодеева 2013, с. 142]. На прикладном уровне такое понимание идентичности и традиций распадается на два полюса. На одном – попытки создать «общую идентичность» через проведение общих традиционных праздников и ритуалов, конечной целью которых является укрепление лояльности гражданина, особенно молодого. Предполагается, что участники (особенно молодые) мероприятий, через саму их «традиционность» почувствуют сопричастность чему-то большему, чем их отдельных жизни, и начнут воспринимать свою принадлежность некоему великому целому. На другом полюсе – попытка избавиться от любой навязанной идентичности, причем не только социокультурной и даже гендерной, но и человеческой вообще, например через популярные сегодня в школьной среде игры с визуальной и поведенческой идентификацией с животными.

Подобный подход вступает в явное противоречие с другим пониманием личности, лежащим в основе современной российской образовательной политики, а именно, образом личности как призванной (о) владеть собственностью, а не быть «частью» или «принадлежностью». К неотчуждаемой от личности собственности относятся разнообразные компетенции, включающие знания, умения и навыки (в том числе материализованные в форме «портфолио»), которые выступают в роли активов, позволяющих личности участвовать на рынке труда. Речь не идет о принадлежности личности к чему-либо: речь идет о том, что должно принадлежать личности. Соответственно, попытки убедить личность, которую воспитывают как «собственника» своих ресурсов, в том,

что она является «частью» и «принадлежностью» традиций, создают неразрешимый конфликт разных антропологических парадигм, ставящий вопрос об эффективности актуальной формы духовно-нравственного воспитания.

Обобщая представленные аргументы, можно прийти к выводу, что в современном социально-культурном и экономическом контексте трансляция этнокультурных традиций, лежащих в основе цивилизационной идентичности российской нации, требует такой формы презентации традиции, которая бы, во-первых, была направлена на личность, а не только на общество в целом, и, во-вторых, учитывала бы актуальный образ личности в ее базовой социально-экономической роли собственника. В отечественной социальной науке этим требованиям частично отвечает данное И.Б. Гофманом определение традиции как социального и культурного наследия, передающегося «от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени» [Гофман 2015, с. 43]. Понятие наследия, коррелирующее с понятием собственности, на наш взгляд, является наиболее подходящим для выражения отношения между современной личностью и традицией. Интерпретации традиции как наследия создает концептуальное пространство, в котором в жизненном мире личности последняя неизбежно оказывается в тех или иных отношениях с традицией, притом, что выбор личности формы этих отношений будет определять ценность и социокультурный статус самой личности.

В то же время понятие наследия содержит в себе несколько разных смыслов, которые разделяются в других языках, например, английском, но в русском языке сливаются воедино, усложняя дифференциацию отношения субъекта к традиции. Поэтому представляется целесообразным выделить несколько смыслов «наследия» применительно к этнокультурным традициям.

2. Формы традиции как наследия для личности

Термин «наследие» может означать и совокупность произведений искусства прошлых веков, и зависимость от институтов, созданных прежними поколениями [Аузан 2022, с. 3–4], и «тяжелое наследие», например, техногенных катастроф или войн. Логика естественного языка позволяет выделить четыре значения понятия «наследие», которые коррелируют с возможными формами отношения личности к традиции.

Первая форма наследия может быть обозначена как «унаследованное» (англ. inheritance) и соотносится с тем из прошлого, что является неотъемлемой и неизменной частью настоящего (включая личность) вне зависимости от его желаний. Этот тип наследия может называть «культурным кодом», «национально-культурной ДНК», «архетипами», «менталитетом», «идентичностью». «Унаследованное» отвечает не столько на вопрос «кто я такой», сколько на во-

просы «почему я такой» и «кто мои предки», причем ответы на эти вопросы взаимосвязаны. В рамках пропаганды этнокультурных традиций существует соблазн включить все формы традиции и наследия в категорию унаследованного, что по своему результату совпадает с ультралиберальной «политикой идентичности», и возлагающей на личность вину, привилегии и право на компенсацию за преступления против ее предков.

Вызовом для «унаследованного» являются современные и перспективные цифровые, биологические и иные технологии, способные целенаправленно изменить биологические основы человеческой природы, сокращая объем того, что в человеке и обществе является неизменным. Пропаганда традиции как неизменного унаследованного в контексте широких возможностей самоизменения может вызвать широкий спектр реакций, от скепсиса и скуки до мотивации продолжать эксперименты со своей природой в постгуманистическом ключе. В укоренившейся сегодня в массовой культуре концепции «мультивселенной» (обыденным аналогом которой является культ зарубежных путешествий и знакомства с чужими культурами) признавать что-то неизменным значит «запирать себя» в границах только одного мира и не видеть возможности и традиции других миров. Однако та же логика путешествий, виртуальных и физических самоизменений указывает на то, что в любых мирах ценным становится только то, что является аутентичным – не созданным произвольно, а органически выросшим в своей почве, и способным расти только в ней. Сам путешественник по мирам должен привнести в каждый из них что-то свое и неподдельное, чтобы сделать свое путешествие «реальным». Соответственно, традиция как унаследованное является основным фактором и гарантом аутентичности существования и опыта личности. В этом контексте этнокультурные традиции тесно переплетаются с экологическим дискурсом [Вагнер 2022], ориентированным на понимание и сохранение ценности унаследованного. Поэтому в рамках воспитательной работы с молодежью целесообразно рассматривать цивилизационную идентичность России не в контексте других цивилизаций или глобалистских либеральных ценностей, а в контексте нарастания искусственности и неаутентичности (в том числе неэкологичности) человеческой жизни, что ведет к потере уникальности и обесцениванию личностного опыта и всего того, что личность может считать своей собственностью.

Вторая форма наследия, «**наследство**» (англ. heritage, bequest), распространяется на совокупность культурных, исторических, инженерных, природных и иных объектов, а также практик (технологий, алгоритмов), сохранившихся от прошлого в настоящем, но не обязательно являющихся частью настоящего. В современной государственной политике уделяется достаточно мало внимания объяснению того, какую связь это наследство имеет с отдельным гражданином. Между тем эта форма наследия может быть в прямом смысле названа общим благом, вклад в развитие и поддержание которого определяет статус че-

ловека [Blanton 2016, p. 41–44], причем не только социально-политический, но и нравственный. Вступая в контакт с общим, в том числе своим наследством, личность не может сохранять нейтрально-отчужденный статус, выбирая этически окрашенные роли: «совладельца» (наследства), который вносит вклад в увеличение общего блага и доступ к нему для всех; «безбилетника», который пользуется общим благом только в личных интересах, увеличивая для других нагрузку его поддержания; «захватчика», стремящегося закрыть доступ к наследству для других; «разрушителя», который либо физически уничтожает наследство, либо обесценивает его через высмеивание. Таким образом, отношение личности к традиции как наследству неразрывно связано с нравственным самоопределением и формированием этических навыков, необходимых для полноценной социальной жизни и осознанию того, что является общей собственностью.

Третья форма наследия, «завещанное» (англ. legacy), является наиболее сложной для рефлексии. С одной стороны, она имеет самореференциальный характер: к завещанному (например, духовно-нравственному или политическому наследию) относится то, что сам источник наследия считал наиболее важным. С другой стороны, завещанное может рассматриваться в универсальной системе координат, задающих ценность передаваемому имуществу, как в случае фамильных драгоценностей. Для понимания завещанного целесообразно обратиться к логике современного артмаркета [Грав 2008; Болтански 2021]: произведение искусства нуждается в обосновании своей ценности (выражаемой в рыночной стоимости), которую оно может получить через помещение в коллекцию, так что схожие произведения искусства в рамках одной коллекции поддерживают стоимость/ценность друг друга. Аналогично, ценности и убеждения текущего поколения приобретают настоящее значение под отраженным светом интенций и идеалов прошлого, творившего и боровшегося ради будущего. Ценности не могут существовать изолированно и нуждаются во взаимном обосновании, которое возможно через помещение их в традицию, которая выступает в роли коллекции, дающей символическое значение тому, что в нее вошло. Обращение к традиции-наследию как завещанному помещает личность в сложный, организованный по принципу зеркальной комнаты контекст, в котором она учится пониманию того, что создание и оценка ценностей – не произвольное волевое решение, а диалектическое возвращение в себя через снятие внешнего инобытия традиции.

В то же время развитая традиция как коллекция обладает коварной привлекательностью в силу видимой легкости использования чужих «коллекций» для «продвижения» своих традиций. Так, развитая кино- и сериальная индустрия, построенная на голливудских традициях, провоцирует страны периферии дать «свой ответ Голливуду», включаясь в воспроизводство и обогащение чужой традиции на материале своего этнокультурного наследия.

Четвертая форма наследия связана с реальными или мнимыми негативными **последствиями** прошлого, которые (д) остались текущему поколению в качестве проблем, которые необходимо решать или ограничений, которые необходимо учитывать. Это прошлое, которое должно было остаться в прошлом, но сохранилось до сих пор. В научной и околонучной литературе этот тип наследия получил названия «пережиток», «эхо», «рудимент», «остаточное явление», «след», «длинная тень». В западной либеральной культуре наследие как «пережиток» концептуализируется в понятии «токсичная ностальгия», применяемом в адрес упрощающих прошлое попыток вернуться к традиционным гендерным ролям и ценностям [Stephan 2024]. Наследие-пережиток формирует пространство борьбы за обесценивание, где личность вынуждена принять риск того, что принимаемая ею традиция может быть «отменена» и лишена права говорить о себе и своих ценностях, которым традиция дает место.

В то же время личность несет риск воспринять сведенную с фрагментарным рудиментам традицию за её живой поток, включаясь в жизнь периферийных сообществ и сект. Другой риск – воспринять анекдотические проявления из жизни прошлых поколений за «унаследованное», видя в «традициях русского застолья» национальный характер, а в частных историях – проявление «государственнического» духа. В качестве гротескного примера можно привести известную историю, описанную у Н. О. Лосского. Когда некий крестьянин вопреки окрикам городского пошел по льду на Неве, провалился под лед, и городовому пришлось его спасать, «крестьянин вместо благодарности стал упрекать» городского: «Чего смотрите?» Городовой говорит ему: «Я же тебе кричал». – «Кричал! Надо было в морду дать!» [Лосский 1957, с. 52]. Навыки различения унаследованного, наследства, завещанного и пережитков позволяют избежать распространенной ловушки интерпретации случайных явлений в качестве необходимых, отдельных отклонений как структурной тенденции, а частных анекдотов в качестве выражения сути этнокультурной традиции.

Заключение

Стереотипное понимание этнокультурных традиций с точки зрения общества как системы, в рамках которой традиции играют роль консолидирующего фактора, привело к двум подходам к пониманию традиции в современном мире. Один подход провозглашает кризис традиции и переход к обществу, не имеющему постоянных оснований своего бытия. Другой подход, фиксируя кризис современного общества, видит в восстановлении влияния традиционных ценностей выход из этого кризиса. В любом случае традиции играют вспомогательную роль обеспечения солидарности и нормального функционирования общества и основных социальных институтов.

Реконцептуализация традиции как наследия раскрывает ее более богатый потенциал как фактора духовной жизни человека и общества. В зависимости от перспективы и укорененности личности в собственном живом мире этнокультурные традиции могут представлять либо в форме внешних музейных экспонатов, периодически выставляемых на всеобщее обозрение в целях укрепления единства нации и патриотического воспитания, либо в качестве центрального содержания непрерывных процессов создания, легитимации и девальвации ценностей, воспроизводства личного отношения индивида к ключевым элементам собственного бытия. Использование фактически представленной в образовательной сфере парадигмы личности как собственника позволяет более глубоко раскрыть значение традиции как социокультурного наследия, отношение к которому со стороны личности открывает пространство для различных стратегий самоопределения. На наш взгляд, для последующих исследований наибольший интерес представляет интерпретация традиции-наследия с точки зрения теории общего блага, которая позволяет артикулировать проблемы, связанные с личным участием индивида в поддержании традиции либо паразитированием на ней в качестве «безбилетника». Кроме того, рассмотрение этнокультурных традиций в качестве коллекции ценностей, получающих значение от соположенности другим ценностям в рамках единой традиции, открывает перспективу на концептуализацию базовых традиций, лежащих в основе цивилизационной идентичности, как метаколлекции, в пространстве которой локальные этнокультурные традиции народов России взаимно увеличивают свою ценность.

Библиография

Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.

Болтански Л., Эскер А. Обогащение. Критика товара. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2021. 600 с.

Вагнер И.В. Приобщение школьников к ценностям экологической этики на основе традиций нравственного отношения к природе в Российской культуре // Педагогика искусства. 2022. № 3. С. 54–60.

Веряскина В.П. Человек в обществе радикализованного модерна: проблемы и тренды развития // Ценности и смыслы. 2017. № 5(51). С. 85–99.

Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. Москва : Новый Хронограф, 2015.

Грав И. Высокая цена. Искусство между рынком и культурой знаменитости. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2008. 169 с.

Даренская В.Н. Отчуждение как феномен разрушения социокультурной традиции // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 8–17.

Драпезо В.Я., Гришкевич Т.И., Драпезо Р.Г. Поиски эмерджентности в системе соционормативного регулирования // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 2. С. 188–197.

Дробовцева С.В. Формы и методы передачи знаний в духовных традициях. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3(8). С. 179–185.

Жирар Р. Насилие и священное. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Илларионов Г.А. Социально-философский анализ «традиционалистского проекта». Автореф. дисс... канд. философ. наук. Красноярск, 2015. 22 с.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.

Клягин С.В. Феномен медиа в современном обществе: к вопросу о становлении политического // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 4(14). С. 9–23.

Колядко И.Н. Культурная традиция и кризис легитимации в развитии социальной системы: рецепция метамодерна // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. 2021. № 1(245). С. 155–160.

Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102.

Кутырева И.В. Теологическое образование как базовый фактор социализации и формирования ценностных ориентиров в условиях динамично изменяющегося общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 19–23.

Лосский Н.О. Характер русского народа. Frankfurt am Main. Посев, 1957. 152 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. 723 с.

Саден Э. Тирания Я: конец общего мира / Пер. с фр. А. Захаревич. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. 336 с.

Сергодеева Е.А. Традиции в современном обществе: особенности конструирования идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1(113). С. 138–143.

Синецкий С.Б. Личность как субъект ответственного цивилизационно-культурного выбора // Вестник культуры и искусств. 2019. № 3(59). С. 47–55.

Сопов В.В. Социально-философский анализ феномена традиции. Автореф. дисс... канд. философ. наук. Кемерово, 2007. 27 с.

Теплова Е.Ф. Разговор о традиционных духовно-нравственных ценностях с представителями поколения Z // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. С. 663–666.

Шаткин М.А. Диалектика платформизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. № 1. С. 40–44.

Blanton, R.E., Fargher, L. How Humans Cooperate: Confronting the Challenges of Collective Action. University Press of Colorado, 2016.

Stephan, M. Toxic Nostalgia in the Wake of the Postmodern Turn. In: Bacon, S., Bronk-Bacon, K. (eds) Gothic Nostalgia. Palgrave Gothic. Palgrave Macmillan, Cham. 2024. P. 45–60.

References

Auzan A. A. «Effekt kolei». Problema zavisimosti ot traektorii predshestvuyushchego razvitiya – evolyuciya gipotez [«The effect of the track». The problem according to the trajectory of the preceding development – the evolution hypotheses]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika [Bulletin of Moscow University. Ser. 6. Economy]. 2015. N 1. P. 3–17. (In Russ.)

Boltanski L., Esquerre A. Obogashchenie. Kritika tovara [Enrichissement. Une critique de la merchandise]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2001. 600 p. (In Russ.)

Darenskaya V. N. Otchuzhdenie kak fenomen razrusheniya sociokul'turnoj tradicii [Alienation as a Phenomenon of Destruction of Socio-Cultural Tradition]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian Vector]. 2023. Vol. 18. N 2. P. 8–17. (In Russ.)

Drapezo V.Ya., Gritskevich T.I., Drapezo R.G. Poiski emerdzhentnosti v sisteme sacionormativnogo regulirovaniya [Search for emergency in the system of sacionormative regulation]. *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal* [Siberian Anthropological Journal]. 2022. Vol. 6. N 2. P. 188–197. (In Russ.)

Drobovtseva S.V. Formy i metody peredachi znaniy v duhovnyh traditsiyah [Forms and methods of the transmission of knowledge in spiritual traditions]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Herald of Nizhny Novgorod University n. a. N. I. Lobachevsky. Social Sciences series]. 2007. N 3(8). P. 179–185. (In Russ.)

Girard R. Nasiline i svyashennoe [Violence and the Sacred]. Moscow, Novoe literatyrnoe obzrenie Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)

Gofman A.B. Traditsiia, solidarnost' i sotsiologicheskaja teoriia. Izbrannye teksty [Tradition, Solidarity and Sociological Theory. Selected Works]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2015. (In Russ.)

Graw I. Vysokaya tsena. Iskusstvo mezhdru rynkom i kul'turoy znamenitosti [Der große Preis: Kunst zwischen Markt und Celebrity-Kultur]. Moscow, Ad Marginem Press, 2008. 169 p. (In Russ.)

Illarionov, G.A. Social'no-filosofskij analiz «tradicionalistskogo proekta» [A socio-philosophical analysis of the «traditionalist project»]. Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Krasnoyarsk, 2015. 22 p. (In Russ.)

Klibanov, A.I. Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi [Medieval Russia's Spiritual Culture]. Moscow: Aspect press, 1996. 368 p. (In Russ.)

Klyagin S.V. Fenomen media v sovremennom obshchestve: k voprosu o stanovlenii politicheskogo [On the constitutive transit in media phenomena: Investigations for political studies]. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya»* [RSUH/RGGU Bulletin. Series «Political Science. History. International Relations»]. 2018. N 4. P. 9–23. (In Russ.)

Kolyadko I.N. (2021) Kul'turnaya traditsiya i krizis legitimacii v razvitii social'noj sistemy: recepciya metamoderna [Cultural Tradition and the Crisis of Legitimation in the development of the social system: Reception of Metamodern]. *Trudy BGTU. Ser. 6, Istoriya, filosofiya* [Proceedings of BSTU. Ser. 6, History, philosophy]. 2021. Vol. 1(245). P. 155–160. (In Russ.)

Kutyreva I.V. Teologicheskoe obrazovanie kak bazovyy faktor socializacii i formirovaniya cennostnyh orientirov v usloviyah dinamichno izmenyayushchegosya obshchestva [Theological education as a basic factor of socialization and the formation of value orientations in a dynamically changing society]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2022. V. 22. N 1. P. 19–23. (In Russ.)

Kuznetsov I.M. Osnovaniya cennostnoj konsolidacii rossiyan: tradicionalizm i obnovlenie [Foundations of Russians' Value Consolidation: Traditionalism and Renewal]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2021. N 8. P. 93–102. (In Russ.)

Losskiy N.O. Kharakter russkogo naroda [The nature of the Russian people]. Frankfurt am Main: Posev, 1957. 151 S. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Sochineniya [Works]. Vol. 1. Moscow, Gos. Izd. Polit. Lit. 1955. 723 p. (In Russ.)

Sadin E. Tiraniya Ya: konec obshchego mira [L'ère de l'individu tyran. La fin d'un monde commun]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2023. 336 p. (In Russ.)

Sergodeeva E. A. Tradicii v sovremennom obshchestve: osobennosti konstruirovaniya identichnosti [Traditions in Modern Society: Features of Identity Construction]. *Vestnik Adygejskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Regionovedenie: Filosofiya, Istoriya, Sociologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kul'turologiya* [Bulletin of Adyge State University. The Series Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies]. 2013. Vol. 1 (113). P. 138–143. (In Russ.)

Shatkin M. A. Dialektika platformizacii [The dialectics of platformization]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2023. Vol. 23. N 1. P. 40–44. (In Russ.)

Sinetskii S. Lichnost' kak sub'ekt otvetstvennogo civilizacionno-kul'turnogo vybora [Personality as a Subject of a Thoughtful Civilized-Cultural Choice]. Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]. 2019. N 3 (59). P. 47–55. (In Russ.)

Sopov V.V. Social'no-filosofskij analiz fenomena tradicij. Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Kemerovo, 2007. 28 p. (In Russ.)

Vagner I.V. Priobshchenie shkol'nikov k cennostyam ekologicheskoy etiki na osnove tradicij nra-stvennogo otnosheniya k prirode v Rossijskoj kul'ture [Introducing schoolchildren to the values of environmental ethics based on the traditions of moral attitude to nature in Russian culture]. Pedagogika iskusstva [Pedagogy of Art]. 2022. N 3. P. 54–60. (In Russ.)

Veriaskina V.P. Chelovek v obshchestve radikalizirovannogo moderna: problemy i trendy razvitiia [The human in the society of radicalized modern: problems and trends of development]. Tsennosti i smysly. 2017. N 5(51). P. 85–99. (In Russ.)